УДК 81’255.4

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВОССОЗДАНИЯ В ПЕРЕВОДЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Задунай В.В., аспирант

Днепропетровский национальный университет

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу переводов романа Г. де Мопассана “Монт-Ориоль” на русский и украинский языки. Основное внимание сосредоточено на способах воссоздания безэквивалентной лексики средствами языка перевода. Способы передачи элементов национального своеобразия рассматриваются с точки зрения достижения адекватности перевода подлиннику.

Ключевые слова: национальная самобытность, адекватный перевод, реалия, каламбур, ассоциативная информация, коннотативность, аллюзия, калька, перифраза, ситуативная замена, контекстуальное соответствие.

Задунай В.В. ДО ПИТАННЯ ПРО СПОСОБИ ВІДТВОРЕННЯ У ПЕРЕКЛАДІ НАЦІОНАЛЬНОЇ САМОБУТНОСТІ ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ / Дніпропетровський національний університет, Україна

Стаття присвячена порівняльному аналізу перекладів роману Г. де Мопассана “Монт-Оріоль” російською та українською мовами. Основна увага зосереджена на способах відтворення безеквівалентної лексики засобами мови перекладу. Способи відтворення елементів національної самобутності розглядаються з точки зору досягнення адекватності між текстами перекладу та першотвору.

Ключові слова: національна самобутність, адекватний переклад, реалія, каламбур, асоціативна інформація, конотативність, алюзія, калька, перифраза, ситуативна заміна, контекстуальний відповідник.

Zadunay V.V ON THE SUBJECT OF THE WAYS OF RECONSTRUCTION USED TO CONVEY NATIONAL ORIGINALITY IN TRANSLATION OF LITERARY WORK / Dnipropetrovsk National University, Ukraine

The article is devoted to the comparative analysis of Russian and Ukrainian translations of the novel “Mont-Oriol” by G. de Maupassant. The main attention is concentrated on the ways of reconstruction of non-equivalent vocabulary by means of target languages. The ways used to express the elements of national originality are aimed at making the translation adequate to the original.

Key words: national originality, adequate translation, realia, pun, associative information, connotation, calque, perephrasis, situational substitution, contextual correspondence.

Предметом данной статьи является сравнительно-сопоставительный анализ способов достижения адекватности перевода при воссоздании элементов национального своеобразия художественного произведения.

Материалом для анализа послужили переводы романа Ги де Мопассана «Монт–Ориоль» на русский и украинский язык. Роман Ги де Мопассана «Монт–Ориоль» представлен двумя переводами на русский язык и одним – на украинский. Русские переводы были сделаны практически одновременно и относятся ко второй половине 40-х годов. В «Полном собрании сочинений» Ги де Мопассана, а также практически во всех более поздних изданиях, данный роман представлен в переводе Н.Немчиновой. Существует также мало известный, однако не менее интересный перевод Е.Бируковой, который был издан в Риге. На украинский язык этот роман в конце 60-х годов перевел В.Подмогильный.

Национальная самобытность художественного произведения, как известно, отражена, в первую очередь, в используемой автором безэквивалентной лексике. Передача этого слоя лексики связана со значительными трудностями, так как она в буквальном смысле слова не переводится, а воссоздаётся средствами языка перевода.

Наибольший интерес в этом отношении представляют слова-реалии и фразеологические единицы. Кроме того, возможен случай, когда эти два типа безэквивалентной лексики пересекаются: реалия может входить в состав фразеологизма или же представлять собой устойчивое выражение, относящееся к интернациональной фразеологии.

В науке о переводе «реалии» определяются как «слова, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому». [1, 55]. Собственно лингвистическую дефиницию этого понятия дает Р.П.Зоривчак: «Реалии – это моно- и

полилексемные единицы, основное лексическое значение которых включает (в плане бинарного сопоставления) традиционно закреплённый комплекс этнокультурной информации, чуждой для объективной действительности языка перевода». [2, 58].

В переводоведении были выработаны и в последствии систематизированы способы передачи слов-реалий, среди которых исследователи выделяют пять основных: 1) транскрипция и транслитерация; 2) гипо- и гиперонимический перевод; 3) калькирование; 4) уподобление; 5) дескриптивная перифраза. [1, 101]. [2, 84]. [13, 36].

К настоящему времени в науке о переводе известно несколько классификаций слов-реалий. [1, 58]. [3, 37]. При сравнительно-сопоставительном анализе способов передачи элементов национального своеобразия в романе Ги де Мопассана «Монт-Ориоль» мы опирались на классификацию В.С.Виноградова [4, 90-97], в соответствии с которой нами были выявлены следующие типы реалий: 1) бытовые; 2) ономастические; 3) ассоциативные.

Применительно к рассмотренному нами художественному произведению наибольший интерес с точки зрения приемов и способов воссоздания в переводе представляют, на наш взгляд, ассоциативные и аллюзивные реалии.

К ассоциативным реалиям, по мнению В.С.Виноградова, относятся:

1) символы (вегетативные, анималистические, цветовые);

2) аллюзии (фольклорные, исторические, культурные, библейские, литературные и языковые). [4 , 96].

К вегетативному символу «ronce» автор обращается при характеристике психологического состояния главной героини в одном из эпизодов романа:

A ce désir irresistible de savoir s'ajoutait aussi un étrange besoin de souffrir plus fort, de se rouler sur son malheur comme on se roulait sur des ***ronces***. [5 , 232].

К непреодолимому желанию все узнать примешивалась какая-то странная потребность выстрадать до конца свою боль, чтобы она острыми шипами впилась в душу. (пер. М.Немчиновой) [6 , 233].

К странному желанию знать примешивалась потребность растравлять своё горе, терзать себя, как бы катаясь по терниям. (пер. Е.Бируковой) [7 , 192].

З цим непереможним бажанням знати поєднувалась дивна потреба ще дужче мучитись, пригортатись до свого лиха, як до тернів. (пер. В.Подмогильного) [8 , 194].

Лексема «ronce» в своем основном значении переводится на русский язык как «ежевика» (укр. «ожина»). В данном контексте входит в состав образного сравнения и выступает в роли ассоциативной реалии как символ горя, физических и духовных страданий. М.Немчинова передает образное сравнение при помощи перифразы, а слово «ronce» - метонимическим соответствием: название целого «ежевика» (вид колючего кустарника) названием его части – «шипы». Это достаточно сложный случай, поэтому решение переводчицы можно считать удачным: замена образа оригинала является полностью оправданной, а предложенный вариант хорошо вписывается в контекст. Однако, этот способ перевода не единственно возможный в данном случае. Е.Бирукова и В.Подмогильный ассоциативную реалию «ronce» передали функциональным соответствием «тернии» (укр. «терні») – вегетативным символом языка перевода с равноценным эмоционально-оценочным содержанием. Такой способ воссоздания ассоциативных реалий Р.П.Зоривчак называет транспозицией на коннотативном уровне. [2 , 132]. Именно этот прием в данном случае нам кажется оптимальным.

К ассоциативным реалиям, как было отмечено ранее, относятся различные типы аллюзий. В одном из эпизодов романа Ги де Мопассан использует историческую реалию «Saint - Germain», которая становится опорным компонентом формально обусловленного каламбура:

Elle sera riche autant qu'une héritière du ci – devant faubourg ***Saint – Germain*** qu'on devait baptiser faubourg de ***Saint – Dèche***. [5, 176].

Состояния у нее будет не меньше, чем у любой дворянской наследницы из Бывшего Сен – Жерменского предместья, которое следовало бы окрестить Пустокарманным предместьем. (пер. Н.Немчиновой) [6, 170].

Она будет не менее богата, чем любая аристократическая наследница из Сен – Жерменского предместья, которое следовало бы окрестить предместьем Святой Нищеты. (пер. Е.Бируковой) [7, 170].

І не бідніша вона буде за якусь спадкоємницю з Сен – Жерменського передмістя, яке треба було б охрестити Пустоторбим передмістям. (пер.В.Подмогильного) [8, 142].

Предметом авторской иронии является исторический факт разорения аристократов, которые традиционно проживали в Сен – Жерменском предместье Парижа.

Опорный компонент каламбура представлен именем собственным «Saint – Germain», а результатирующий – сходным по структуре авторским окказионализмом «Saint – Dèche». В подлиннике комический эффект создаётся благодаря актуализации этимологического значения форманта «Saint» - «святой» и его повторению в составе результанты в сочетании с семантически несовместимым словом «dèche» - «безденежье», «нищета». (Термины «формально обусловленный каламбур», «опорный и результирующий компоненты», «результанта» заимствованы из монографии В.С.Виноградова «Лексические вопросы перевода художественной прозы»). [4, 152-153]. Наиболее удачным способом воссоздания данной игры слов является, на наш взгляд, вариант, предложенный Е.Бируковой: калькирование обеих частей каламбура в сочетании с «оживлением» практически десемантизированного форманта «saint». При таком способе перевода сохраняется как формальная обусловленность игры слов, так и связанные с ней коннотации.

Релевантной для достижения адекватности перевода является передача культурной аллюзии, которую автор использует как основу портретной характеристики одного из персонажей романа, нищего Кловиса:

C'était un vieux paralytique comme il disait, pareil a un ***pauvre de Callot***. [5, 52].

Этого старого калеку, похожего на нищего ***с гравюры Калло***. (пер. Н.Немчиновой) [6, 52].

Этот старый калека, напоминающий ***нищего Калло***. (пер. Е.Бируковой) [7 , 54].

Цього старого каліку, схожого на ***жебрака з гравюри Кало***. (пер. В.Подмогильного) [8, 45].

«Pauvre de Callot» - намек на персонажа картины французского гравёра XVIв. Калло. Аллюзивная информация, наверняка известная читателям оригинала, выражена в тексте имплицитно. Очевидно, что читателю перевода необходима её экспликация, поэтому очень удачным, на наш взгляд, приёмом является использованная Н.Немчиновой и В.Подмогильным лексическая компенсация – «с гравюры Калло» - которая раскрывает смысл аллюзии. В переводе Е.Бируковой эта реалия не уточняется, в результате чего искажается смысл: герой романа сравнивается не с персонажем картины, а с неким нищим Калло или же с самим художником.

Среди встречающихся в романе аллюзивных реалий наиболее многочисленны библизмы. Они могут быть выражены как отдельными словами (Jésus, Crucifié), так и устойчивыми выражениями. Такой случай можно рассматривать как пример взаимного проникновения слов-реалий и фразеологизмов. Так при помощи одного из библейских по происхождению, а в последствии ставшего «крылатым», выражения автор характеризует поведение одного из героев:

Il le répétait sans cesse, mais ***il criait dans le désert.*** [5, 101].

Он всегда об этом твердил, но все его предупреждения – ***голос вопиющего в пустыне***. (пер. Н.Немчиновой) [7 , 99].

Он всегда это утверждал, но это был ***глас вопиющего в пустыне***. (пер.Е.Бируковой) [7, 99].

Весь час він це каже, але ***він волає у пустелі.*** (пер. В.Подмогильного) [8, 83].

Выражение «il criait dans le désert» - авторская модификация фразеологизма «voix qui clame dans le désert», который означает «напрасный призыв, остающийся без внимания». [9, 85].

В переводах на русский язык этот фразеологизм передаётся при помощи относительного соответствия с элементами лексической компенсации: франц. «crier dans le désert» и русск. «голос вопиющего в пустыне» совпадают по значению и коннотативному содержанию, но относятся к разным грамматическим разрядам (первый – к глагольным, второй – к субстантивным).

В украинском переводе авторская модификация фразеологизма калькируется. С точки зрения установления соответствия между текстами оригинала и перевода это допустимо. Однако, при таком способе перевода экспрессивность этого фразеологизма ослабляется, а сам он практически растворяется в тексте. При переводе на украинский язык было бы предпочтительнее обратиться к эквиваленту:

Весь час він це каже, але його голос волає немов у пустелі» (перевод наш).

Что касается передачи фразеологизмов, которые в романе встречаются довольно часто, то наиболее сложенным и вместе с тем интересным является случай, когда фразеологизм языка подлинника соотносится с «фразеологической лакуной» в языке перевода. Так, фразеологизм «couper les chardons sous la dent de ses confreres», буквально означающий: «вырывать чертополох изо рта своих собратьев», используется автором в таком контексте:

Ils ne viendront pas pour ne point avoir l'air de ***couper les chardons sous la dent de leurs confrères***». [5, 107].

Они тоже откажутся, чтобы не подумали, что они хотят ***урвать сенца из кормушки своих собратьев***. (пер. Н.Немчиновой) [6, 102].

Они не захотят прийти, чтобы не подумали, что они хотят ***вырвать добычу у своих собратьев***. (пер. Е.Бируковой) [7, 102].

Вони також не прийдуть, щоб не вийшло так, що вони ***в своїх колег переймають поживу.*** (пер. В.Подмолильного) [8, 85].

Как видно из приведеных примеров, в переводах Е.Бируковой и В.Подмогильного значение фразеологизма передается нефразеологическим сочетанием «вырвать добычу» (укр. «перейняти поживу»). При таком способе перевода сохраняется только содержание , тогда как экспрессивность практически утрачивается. Оптимальным способом воссоздания этого фразеологизма является, на наш взгляд, найденная Н.Немчиновой ситуативная замена «урвать сенца из кормушки своих собратьев».

Практически аналогичным предыдущему является случай авторского использования фразеологизма «changer le baton d'épaule», который означает «изменить свои убеждения»:

Je ***changerais mon baton d'épaule*** [5,181].

Я бы на вашем месте ***переменил фронт*** (Пер. Н. Немчиновой) [6,181].

Я бы на вашем месте ***взял другой прицел*** (Пер. Е. Бирюковой) [7,174].

На вашому місці я ***повернув би в другий бік*** (Пер. В. Подмогильного) [8,181].

Из приведённых примеров видно, что в трёх переводах рассматриваемый фразеологизм передаётся разными контекстуальными соответствиями. Наиболее удачным, на наш взгляд, является вариант, предложенный Н. Немчиновой, "переменить фронт". Именно это словосочетание лучше всего соответствует контексту: в данном эпизоде автор иронизирует над неустанно ищущим себе богатую невесту главным героем. В русском языке слово "фронт" в сочетании с прилагательным "личный" может иметь сопровождаемые определёнными коннотациями переносные значения "личная жизнь", "любовные увлечения". Тем не менее, использованные двумя другими переводчиками контекстуальные соответствия также возможны.

Значительную трудность для перевода представляет случай несоответствия выражения одного понятия в разных языках, что можно проиллюстрировать следующим примером употребления фразеологической единицы:

Mais Christiane ***rougit jusqu'aux tempes*** [7, 112].

Христиана ***покраснела до корней волос*** (Пер. Н. Немчиновой) [6, 112].

Христіана ***почервоніла до вух*** (Пер. В. Подмогильного) [8, 109].

Фразеологизм "rougir jusqu'aux tempes", буквально означающий "покраснеть до висков" как в русском, так и в украинском переводах передаётся равноценными по смыслу и эмоциональному содержанию, но различающимися образной основой аналогами: русск. "покраснеть до корней волос"; укр. "почервоніти до вух".

Таким образом, анализ переводов романа Ги де Мопассана "Монт-Ориоль" позволяет прийти к следующим заключениям:

- при воссоздании национальной самобытности художественного произведения, которая является неотъемлемой частью его эстетического содержания, переводчики используют целый ряд способов и приёмов передачи безэквивалентных языковых единиц;

- в большинстве случаев безэквивалентная лексика воссоздаётся в соответствии с установленными в переводоведении правилами, однако в наиболее сложных случаях, таких как необходимость сохранения каламбуров в тексте перевода, распознание и передача аллюзивной информации, переводчик вынужден обращаться к собственному экстралингвистическому опыту, эрудиции, чувству языка;

- сопоставление параллельных переводов художественного произведения на близкородственные языки, каковыми являются русский и украинский, показывает, что варианты перевода, как правило, обусловлены спецификой употребления и сочетания слов в каждом из рассматриваемых языков;

- выбор оптимального способа передачи безэквивалентных элементов подлинника во многом зависит от субъективного восприятия исследователя перевода, который в данном случае выступает реципиентом как первичного, так и вторичного текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М: Высшая школа, 1986. – 416с.
2. Зорівчак Р.П. Реалія і переклад. – Львів: Вид-во при Львівськ. держ. ун-ті, 1989. – 215с.
3. Чередниченко О.І., Коваль Я.Г. Теорія і практика перекладу. Французька мова. – К: Либідь, 1995. – 320с.
4. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М: МГУ, 1978. – 172с.
5. Maupassant G. Mont-Oriol. – M: Высшая школа, 1971. – 246с.
6. Мопассан Г. Монт-Ориоль / Пер. Н. Немчиновой. – М: Худож. лит., 1990. – 238с.
7. Мопассан Г. Монт-Ориоль / Пер. Е. Бируковой. – Рига: Латгосиздат., 1950. – 254с.
8. Мопассан Г. Монт-Оріоль. / Пер. В.Підмогильного. Твори у 8-ми т. – К: Дніпро, 1974. т. 6. – 519с.
9. Почему мы так говорим. Крылатые слова. - М: Московский лицей, 1996. – 233с.